

Anneta STANISŁAWSKA

Instytut Językoznawstwa im. A. A. Potebni Akademii Nauk Ukrainy w Kijowie

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В КОММУНИКАТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

1. РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Речевая агрессия как коммуникативное явление не может рассматриваться без учета функции высказывания в контексте конкретного дискурса. Именно эта функция в свою очередь определяет роль языковых и речевых средств в том или ином коммуникативном акте.

Речевая агрессия как факт речевой коммуникации должна рассматриваться в рамках функционального подхода к языку, центральной проблемой которого, как известно, является «исследование функций изучаемого объекта, вопрос о его назначении, особенностях его природы в свете выполняемых им задач, его приспособленность к их выполнению и т.д.»¹.

Рассматривая речевую агрессию как факт коммуникации, мы выходим в сферу прагмалингвистики, поскольку именно прагмалингвистика в широком смысле (если не ограничивать понимание данной отрасли языкознания только теорией речевых актов) предусматривает синтетический подход к языковой деятельности на стыке различных наук, занимающихся проблемами коммуникации. «Прагматика представляет собой наиболее общий, всеобъем-

---

¹ Кубрякова, Е. С. *Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа)* / Е. С. Кубрякова // *Язык и наука конца 20 века.* – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 144–238.

лющий уровень анализа и включает все личностные, психологические факторы, которые отличают один коммуникативный акт от другого, все вопросы, цели, практические результаты и ценности для коммуникантов»².

В рамках функционального подхода к языку именно прагмалингвистика обращается «к принципу деятельности как целеполагающей активности субъекта, а затем к поискам того, как выражает себя в языковых структурах, дискурсе личность»³. «Антропоцентрическая»⁴ или «коммуникатоцентрическая»⁵ установка любого речевого произведения определяется с учетом ситуации речевого общения и реализуется в прагматическом содержании, связанном с задачами коммуникантов. Цель – воздействие адресанта на адресата⁶.

Коммуникативно-прагматический подход к речевой деятельности предусматривает:

- а) исследование коммуникативных взаимодействий на оси «адресант речи – адресат»;
- б) изучение значения и употребления языковых и речевых единиц в зависимости от речевой ситуации, дискурсного контекста, в том числе и социального;
- в) исходные прагматические установки говорящего: цели, намерения, эмоции, анализ речевого воздействия в процессе коммуникации.

Прагматический подход к явлениям языка предполагает учет при описании языковых сущностей таких факторов, которые так или иначе связаны с информацией о мире говорящего и адресата и их интерпретационной деятельности, для которой релевантны

---

² Cherry, C. *On Human Communication: A Review, a Survey and a Criticism*. Cambridge (Mass.) / C. Cherry. – London: MIT Press, 1970. – 337 p.; Łukatienco E., Stanisławska A., *Агрессия как явление речевой коммуникации*, “Linguodidactica”, red. R. Hajczuk, Wyd. UwB, Białystok 2007, T. XI, s. 109–123.

³ Сусов, И. П. *Деятельность, сознание, дискурс и языковая система* / И. П. Сусов // Языковое общение: Процессы и единицы. – Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1988. – С. 7–13.

⁴ Kuryłowicz, J. *Esquisses linguistiques II* / J. Kuryłowicz // Internationale Bibliothek für allgemeine Linguistik, hrsg. von E. Coseriu. – München: Fink, 1975. – Band 37. – 483 p.

⁵ Сусов, И. П. *Семантика и прагматика предложения* / И. П. Сусов. – Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1980. – 51 с.

⁶ Łukatienco E., Stanisławska A., *Агрессия как явление...*

ми являются мнения говорящего и интерпретатора о свойствах того, кто является агентом (пациентом) акции, на кого она воздействует, что известно коммуникантам о событии или ситуации, являющейся экстенсионалом высказывания, какова цель сообщения об этом положении дел в мире, в каких условиях осуществляется это событие и т.п.⁷

Современная теоретическая лингвистика «характеризуется выдвиганием в ней двух главных парадигм научного знания – когнитивной и коммуникативной. ...В одной основное внимание уделяется самой коммуникативной деятельности и влиянию на эту деятельность контекста ее осуществления, в другой – связи языка с познавательными процессами, со всеми способами получения, обработки, фиксации, хранения информации о мире в их корреляции с языковыми формами. В то же время становится все более очевидным, что для решения целого ряда актуальных проблем современной лингвистики необходим своеобразный синтез указанных парадигм знания»⁸. Эту парадигму, которая объединяет когнитивный и коммуникативный подходы к явлениям языка, Е. С. Кубрякова называет «неофункциональной», «конструктивной», «когнитивно-дискурсивной»⁹, а В. З. Демьянков – «интерпретирующей»¹⁰. Когнитивно-дискурсивная парадигма «представляет собой попытку синтезировать разные точки зрения на один и тот же объект», чтобы «дать объекту полное и всестороннее описание, описание интегральное, в котором можно было бы учесть как когнитивные, так и коммуникативные особенности его бытия в системе

---

⁷ Теля, В. Н. *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц* / В. Н. Теля. – М.: Наука, 1986. – 142 с.

⁸ Кубрякова, Е. С. *Части речи с когнитивной точки зрения* / Е. С. Кубрякова. М.: ИЯ РАН, Тамбов: Тамбов. гос. ун-т, 1997. – 330 с.

⁹ Кубрякова, Е. С. *Части речи...*; Кубрякова, Е. С. *Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа)* / Е. С. Кубрякова // *Язык и наука конца 20 века*. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 144–238; Кубрякова Е. С. *Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

¹⁰ Демьянков, В. З. *Намерение в интерпретации и интерпретация намерений в речи* / В. З. Демьянков // *Текст: Структура и анализ*. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1989. – С. 41–46.

языка»¹¹. Наряду с данным термином, предложенным Е. С. Кубряковой, функциональная парадигма лингвистического знания, синтезирующая коммуникативно-прагматический и когнитивный подходы к изучению языковых явлений, может быть обозначена как «коммуникативно-когнитивная лингвистика»¹², коммуникативно-когнитивная прагматика (концепция образовательной программы «Когнитивные исследования» антропологической школы РГГУ), дискурсивно-диалогическая парадигма. На наш взгляд, разнообразие в терминах, отражая приоритеты исследований, не меняет сущности самого подхода.

Анализ любого явления речевой коммуникации как дискурсивного факта выводит исследователя в область когнитивной лингвистики¹³ и др. В связи с этим нам представляется возможным определить основную парадигму нашего исследования как коммуникативно-дискурсивную, поскольку данное определение, с одной стороны, указывает на его коммуникативно-прагматическую ориентацию, с другой – если иметь в виду, что дискурсивный подход невозможен без когнитивного аспекта, отражает его интегральную сущность.

При анализе речевой агрессии мы исходим из того, что «коммуникативные и когнитивные особенности» ее бытия определяются дискурсивными показателями. В рамках данного исследования речевая агрессия рассматривается нами как тип речевого поведения, который может осуществляться в рамках любого дискурса, независимо от его временных и национальных параметров. Коммуникативно-дискурсивный подход с акцентом на коммуникативной стороне речевого взаимодействия позволяет, с одной стороны, выявить общие принципы и установки, которыми руководствуется говорящий при осуществлении данного типа речевого поведения, с другой – определить, как данное явление, тесно свя-

---

¹¹ Кубрякова, Е. С. *Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики* / Е. С. Кубрякова // «Вопросы когнитивной лингвистики». – 2004. – № 1. – С. 6–17.

¹² Аристов, С. А. *Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс* / С. А. Аристов, И. П. Сусов // Лингвистический вестник. – Ижевск: Удмуртск. ун-т, 1999. – Вып. 1. – С. 3–15.

¹³ Аристов, С. А. *Коммуникативно-когнитивная лингвистика...;* Дейк, Т. А. ван. *Язык. Познание. Коммуникация* / Т. А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

занное с социальными и психологическими факторами, в условиях определенного дискурса влияет на собственно коммуникативные, аксиологические и когнитивные аспекты коммуникации.

2. АГРЕССИЯ КАК РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ

В большинстве исследований речевая агрессия рассматривается как тип (разновидность) речевого поведения или как форма речевого поведения.

Если речевая агрессия – это тип речевого поведения, то важно определить, какие параметры данного понятия являются принципиально значимыми. Дело в том, что термин «речевое поведение» наряду с понятиями «речевая деятельность», «речевое общение», «коммуникация», оказавшись в сфере интересов социо-, психо-, прагматической лингвистики и теории речевых актов, до сих пор не имеет однозначной интерпретации¹⁴.

Ряд исследователей отрицают осознанность и целенаправленность речевого поведения¹⁵. Р. Якобсон же, как известно, утверждал, что «любое речевое поведение является целенаправленным»¹⁶. Именно такой подход к речевому поведению характерен, например, для социолингвистики, где речевое поведение понимается, как процесс выбора оптимального варианта для построения социально корректного высказывания. На социокоммуникативном аспекте, не отрицая деятельностной природы речевого поведения, акцентирует внимание и Т. Г. Винокур. Она считает, что «интерпретация понятия «речевое поведение» должна опираться ровно столько же на сам факт осуществления речи, сколько на совершившийся при этом отбор речевых средств...»¹⁷. Т. Г. Винокур рассматривает речевое поведение как совокупность речевых поступков. С внутриязыковой стороны речевое поведение определяется закономерностями употребления языка в речи, а с внеязы-

¹⁴ Винокур, Т. Г. *Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения* / Т. Г. Винокур. – М.: Наука, 1993. – 173 с.

¹⁵ Łukatienko E., Stanisławska A., *Агрессия как явление...*

¹⁶ Якобсон, Р. *Лингвистика и поэтика* / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.

¹⁷ Винокур, Т. Г., 1993, С. 9.

ковой – социально-психологическими условиями осуществления языковой деятельности¹⁸.

В прагмалингвистике речевое поведение «понимается как совокупность конвенциональных (осуществляемых в соответствии с правилами) и неконвенциональных (осуществляемых по собственному произволу) речевых поступков, совершаемых индивидом или группой индивидов, т.е. осознанность и целенаправленность рассматриваются как ключевые характеристики речевого поведения. С этих позиций речевое поведение может быть определено как «эмпирически наблюдаемая мотивированная, намеренная, адресованная коммуникативная активность индивида в ситуации речевого взаимодействия, связанная с выбором и использованием речевых и языковых средств в соответствии с коммуникативной задачей»¹⁹.

При этом нам представляется целесообразным и логичным разграничение терминов «коммуникативное поведение» и «речевое поведение» (не во всех лингвистических исследованиях эти термины разграничиваются). На наш взгляд, коммуникативное поведение – понятие более широкое, чем речевое поведение. Именно так рассматривают коммуникативное поведение, например, И. Н. Борисова²⁰ и др.

Коммуникативное поведение включает в себя неречевое и речевое поведение, в свою очередь, составляющими речевого поведения являются поведение интенциональное и языковое, т.е. «речевое поведение рассматривается как «вербализованная, словесно выраженная часть коммуникативного поведения»²¹. При таком соотношении понятий коммуникативная агрессия будет являться разновидностью коммуникативного поведения, включающего в себя как речевые, так и неречевые элементы (например, в устной коммуникации громкость голоса, интонацию, жесты и т.д., в письменной – изображения, характер шрифта и т.д.). Однако, как замечает А. К. Михальская, «в коммуникативном поведении

---

¹⁸ Винокур, Т. Г. *Говорящий и слушающий...*

¹⁹ Łukatienko E., Stanisławska A., *Агрессия как явление...*

²⁰ Борисова, И. Н. *Русский разговорный диалог / И. Н. Борисова.* – Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2001. – 408 с.

²¹ Там же.

именно речевое поведение – главное, именно оно структурирует, организует все остальное, но вместе с тем и отражает особенности прочего»²².

В соответствии с таким пониманием мы рассматриваем речевую агрессию как целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое (через сознательный выбор речевых стратегий и тактик, а также отбор речевых и языковых средств) речевое поведение²³.

3. РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ И РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

Обзор литературы и концепций, посвященных речевому воздействию, представлен в целом ряде монографий и статей²⁴ и др. Столь активное изучение проблемы речевого воздействия обусловлено прежде всего прагматическими задачами. Даже поверхностный взгляд на соответствующую как научную, так и научно-популярную литературу, посвященную данной проблеме, позволяет увидеть, что само понятие речевого воздействия и представление об оптимизации речевого воздействия трактуется весьма широко. Во всяком случае, очевидно, что подход к проблеме речевого воздействия осуществляется исследователями с двух позиций. Одни исходят из того, что процесс воздействия осуществляется как процесс взаимодействия с адресатом, т.е. целью речевого воздействия является «достижение консенсуса» с адресатом. Другие (и их большинство) считают речевое воздействие процессом однонаправленным, т.е. «партнер по речевому общению выполняет пассивную функцию – он объект, воспринимающий воздействие со стороны говорящего»²⁵. «Адресат, как правило, есть лицо, на которое пытается воздействовать адресант, пытаясь ма-

---

²² Михальская, А. К. *О речевом поведении политиков* / А. К. Михальская // «Независимая газета». – 1999. – № 227 (2043). – 3 декабря.

²³ Łukatienko E., Stanisławska A., *Агрессия как явление...*

²⁴ Желтухина, М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ / М. Р. Желтухина. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.; Иссерс, О. С. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи* / О. С. Иссерс. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.

²⁵ Иссерс, О. С. *Коммуникативные стратегии...*

нипулировать им, формируя его мнение и пытаясь управлять его поведением в своих личных интересах»²⁶.

В принципе, большинством исследователей почти безоговорочно признаются два положения:

- 1) любая коммуникация сопровождается воздействием;
- 2) в процессе общения передача любой информации происходит для достижения поставленной адресантом цели²⁷ и др.

Следовательно, коммуникативное воздействие целесообразно рассматривать как спланированное воздействие на знания (когнитивный уровень), отношения (аффективный уровень) и намерения (конативный уровень) адресата в нужном для адресанта направлении.

Проблема соотношения рационального и эмоционального коммуникативного воздействия и в психологии и в лингвистике пока не имеет однозначного решения. Например, известный психолог Б. Ф. Поршнев считает, что «...всякая речь, обращенная к другому или другим, есть внушение»²⁸. Однако и психологи, и лингвисты все чаще приходят к выводу, что эффективность речевого воздействия возрастает, когда методы логически обоснованного убеждения сочетаются со способами эмоционального воздействия на адресата. Вместе с тем само понимание эффективной коммуникации может изменяться в зависимости от точки отсчета: то, что оптимально и эффективно с позиции говорящего, не всегда является таковым со стороны адресата. Воздействие как взаимодействие адресанта и адресата, как оптимальное сочетание рационально-логических и эмоциональных способов воздействия возможно лишь при установке коммуникантов на кооперативное, диалогическое в полном смысле этого слова общение. Если же в основе речевого поведения лежит установка на субъектно-объектный тип общения, то в этом случае возможно лишь одностороннее речевое воздействие адресанта на адресата. Адресант исходит из того, что его позиция должна быть принята адресатом как аксиома. Когда имеется уже

---

²⁶ Серова, И. Г. *Современные проблемы филологии: Учебное пособие* / И. Г. Серова. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Гержавина, 2002. – 162 с.

²⁷ Иссерс, О. С. *Коммуникативные стратегии...*

²⁸ Поршнев, Б. Ф. *Социальная психология и история* / Б. Ф. Поршнев. – М.: Наука, 1979.

готовое мнение, навязываемое с добрыми или дурными намерениями, логически или гипнотически, – имеем *внушение* в широком смысле слова. Разумеется, речевое внушение не сводится к насильственному внедрению в сознание чего-либо полностью чуждого, а предполагает предварительную обработку этого сознания, с тем чтобы новое отношение к предмету не диссоциировало с устоявшимися представлениями – осознанными или неосознанными.

Одним из главных факторов успешного воздействия такого рода является авторитетность говорящего для адресата. Этот авторитет говорящего складывается из уверенности внушающего в успехе своего воздействия и готовности внушаемого поддаться воздействию. Специфика речевой агрессии, с точки зрения речевого воздействия, базируется на установке адресанта на то, что его позиция должна быть принята адресатом безоговорочно, т.е. он является безусловным авторитетом для адресата. Именно поэтому речевая агрессия как речевое поведение безаргументативна по определению, т.е. адресант делает ставку не на рационально-логические способы воздействия, а на эмоциональное воздействие. Не случайно Н. А. Купина и Л. В. Енина определяют речевую агрессию следующим образом: «Речевая агрессия характеризуется императивной, эмоционально напряженной, психологически сдвинутой позицией автора речи,... настойчивым стремлением к достижению коммуникативного результата с помощью суггестивных вербальных и паралингвистических средств, которые могут быть и непозволительны с точки зрения системно-языковых, стилистических, этических, жанровых норм и правил»²⁹.

Предметом прагмалингвистики принято считать выбор языковых средств из наличного репертуара для наилучшего воздействия на адресата в определенных условиях общения. В. Г. Костомаров³⁰ связывает эмоциональное воздействие с использованием стилистически маркированных языковых единиц – экспрес-

---

²⁹ Купина, Н. А. *Три ступени речевой агрессии* / Н. А. Купина, Л. В. Енина // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. – Екатеринбург: УрГУ, 1997. – С. 26–38.

³⁰ Костомаров, В. Г. *Русский язык на газетной полосе* / В. Г. Костомаров. – М.: Изд-во Московск. ун-та, 1971. – 345 с.

сем. Л. А. Киселева³¹, в свою очередь, доказывает, что функцию внушающего воздействия могут выполнять не только прагмемы (маркированные, экспрессивные компоненты языка), но и информемы, то есть нейтральные, немаркированные языковые средства. «Информативное высказывание» создает у адресата впечатление объективности, непредвзятости (истинности) мнения субъекта. Воздействие через информирование очень эффективно в случае отрицательного отношения адресата к воздействию.

По мнению Б. М. Гаспарова³², эмоциональное воздействие создается не только за счет отбора языковых и речевых средств, но и за счет параметров дискурса: оно зависит от жанра сообщения, тематического поля высказывания, от личности и позиции говорящего и т.д.

Так как мы рассматриваем речевую агрессию с коммуникативно-прагматических позиций, то применительно к данному типу речевого поведения речевое воздействие «определяется как рассчитанный эффект, т.е. мы ориентируемся не на результат воздействия на собеседника, а на коммуникативное намерение говорящего, выраженное в речи и распознанное собеседником»³³. Иначе говоря, в основе речевой агрессии лежит однонаправленное эмоциональное негативизирующее речевое воздействие на адресата. А поскольку мы исходим из того, что речевая агрессия – понятие дискурсивное, то отбор языковых и речевых средств, а также способы такого воздействия определяются характером и условиями конкретного дискурса.

4. РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ: УСТАНОВКА НА АНТИДИАЛОГ

Диалог – ключевое понятие коммуникации в самом широком смысле. Теоретические исследования диалога к началу XXI века насчитывают внушительное количество работ в обла-

---

³¹ Киселева, Л. А. *Вопросы теории речевого воздействия* / Л. А. Киселева. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 160 с.

³² Гаспаров, Б. М. *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования* / Б. М. Гаспаров. – М.: “Новое литературное обозрение”, 1996. – 352 с.

³³ Федорова, Л. Л. *Типология речевого воздействия и его место в структуре общения* / Л. Л. Федорова // “Вопр. Языкозн”. – 1991. – № 6. – С. 46–50.

сти философии, социологии, литературоведения и лингвистики (см., например, обзор и анализ литературы и диалогических концепций³⁴.

Для современных лингвистических исследований точкой отсчета является теория диалога М. М. Бахтина. Для нашего исследования важна не только классическая концепция М. М. Бахтина о всеобщности диалога³⁵, но и ее логическое продолжение – концепция «кооперативного диалога» Ц. Тодорова³⁶. Кооперативный диалог, по Ц. Тодорову, (в широком понимании) исключает навязывание Другому собственной точки зрения и означает отказ от преимуществ доминирующей позиции. По мнению Ц. Тодорова, созданию кооперативного диалога мешает «подсознательный универсализм», базирующийся на логическом отношении исключения, при котором собственная позиция воспринимается как единственно возможная, как своего рода «объективная», тогда как все остальные «субъективны»³⁷.

Д. Бохм, рассматривая диалог как творческий процесс создания и развития общего смысла, противопоставляет диалог и дискуссию. Подлинный (идеальный) диалог, по Д. Бохму, возможен только тогда, когда его участники признают равенство сторон, не стремятся к доминированию в общении, не пытаются добиться победы над партнером³⁸. Д. Бохм и его последователи противопоставляют истинный диалог и дискуссию (спор, полемику) как различные по цели виды общения. Если цель диалога – создать общее коммуникативное пространство, найти общий смысл, то цель дискуссии – победа одного из участников. Диалог открыт для анализа и переоценки собственной точки зрения каждого из участников, дискуссия ориентирована на отстаивание собственной позиции каждым из коммуникантов и, следовательно,

³⁴ Плеханова, Т. Ф. *Текст как диалог* / Т. Ф. Плеханова. – Мн.: Изд-во МГЛУ, 2002. – 253 с.

³⁵ Бахтин, М. М. *Эстетика словесного творчества* / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.

³⁶ Todorov, Tz. *La Conquête de l'Amérique. La question de l'autre* / Tz. Todorov. – Paris: Seuil, 1991. – 339 p.

³⁷ Там же.

³⁸ Bohm, D. *On Dialogue*. Edited by L. Nichol. / D. Bohm. – New York: Routledge, 1996. – 144 p.

на критику позиции оппонента, на неприятие любых других точек зрения³⁹. При очевидной условности использования риторических терминов «диалог – дискуссия» Д. Бом и его последователи фактически постулируют основные принципы кооперативного и некооперативного поведения в диалогической коммуникации.

Данные исследования – лишь частная иллюстрация одного из основных положений фактически любой диалогической концепции: подлинный диалог возможен только при обоюдной установке коммуникантов на равноправное общение.

С позиций диалогического взаимодействия, речевая агрессия – установка на антидиалог, поскольку данный тип речевого поведения основан на сознательной ориентации адресанта на субъектно-объектный тип отношений⁴⁰. Субъектно-объектное отношение к адресату есть нарушение диалогической коммуникации в самом широком понимании этого слова. Это отношение выражается как в содержании, так и в деструктивных формах речевого поведения. При выборе форм речевого поведения адресант исходит из того, что адресат должен безоговорочно принять предлагаемое адресантом положение вещей. Общий смысл субъектно-объектного отношения к адресату можно выразить известной формулой: «Есть мнение мое и неправильное». М. М. Бахтин определил такой тип высказываний как «слово-насилие»: «Слово-насилие предполагает отсутствующий и безмолвствующий предмет, не слышащий и не отвечающий, оно не обращается к нему и не требует его согласия, оно заочно... Слово хочет оказывать влияние извне, определять извне...»⁴¹.

Применительно к конкретному коммуникативному акту субъектно-объектный тип отношений может рассматриваться как намеренное нарушение принципов кооперативного общения, сфор-

---

³⁹ Bohm, D. *Dialogue – a Proposal* [Электронный ресурс] / D. Bohm [et al.] – Электрон. дан. – The Informal Education Archives. – 1991. – Режим доступа: [http://www.users/globalnet.co.uk/~infed/etexts/bohm_dialogue.htm](http://www.users.globalnet.co.uk/~infed/etexts/bohm_dialogue.htm).

⁴⁰ Михальская, А. К. *Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике* / А. К. Михальская. – М.: Издательский центр «Academia», 1996. – 192 с.

⁴¹ Бахтин, М. М. *Проблема речевых жанров* [Электронный ресурс]. / М. М. Бахтин // Собр. соч. в 7 т. – Электрон. дан. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5: Работы 1940–1960 гг. – С. 159–206. – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh-genre.htm>.

мулированных Н. Р. Grice⁴² и Г. Грайсом⁴³, и принципов вежливости. Т. М. Николаева⁴⁴ называет такое поведение принципом «некооперации», подразумевая под этим принципом «коммуникативный саботаж», т.е. такие коммуникативные установки, которые направлены на срыв идеально прозрачного обмена информацией в беседе. Т. М. Николаева выделяет четыре вида такого саботажа: 1) установка на навязывание коммуниканту своего мнения в обсуждаемой ситуации; 2) нежелание дать ожидаемый ответ на вопрос; 3) уйти от ремо-предикативного аспекта беседы, т.е. от обмена новой характеризующей информацией, информацией мысли, а не факта; 4) желание задеть, обидеть собеседника. На внешнем языковом уровне андиалогические установки проявляются как намеренное нарушение адресантом: а) конвенциональных условий дискурса; б) этических норм коммуникации; в) стилистических норм; г) системных языковых норм и т.п.

В современных лингвистических исследованиях широко представлены подобные разновидности речевого поведения, обозначенные авторами как языковое насилие, коммуникативное давление и т.п. Поскольку все эти типы речевого поведения так или иначе ориентированы на коммуникативное неравноправие, они вполне могут быть объединены «под эгидой» понятия «речевая агрессия».

5. ОБЪЕКТ АГРЕССИИ

Речевая агрессия как речевое поведение, в основе которого лежит прагматическая установка адресанта на коммуникативное доминирование, может быть представлена во всех типах коммуникации: межличностной, публичной, массовой. При этом, кроме установки на субъектно-объектный тип общения с адреса-

---

⁴² Grice, H. P. *Meaning* / H. P. Grice // Steinberg D., Jakobovits L. (eds.) *Semantics: an Interdisciplinary Reader*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971. – P. 147–172.

⁴³ Грайс, Г. П. *Логика и речевое общение* / Г. П. Грайс // “Новое в зарубежной лингвистике”. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 217–237.

⁴⁴ Николаева, Т. М. *О принципе «некооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия* / Т. М. Николаева // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. – М.: Индрик, 2003. – С. 268–276.

том, которая проявляется в деструктивном (некооперативном) речевом поведении (прагматический вектор), в основе агрессивного общения независимо от типа коммуникации обязательно присутствует и вторая целеустановка адресанта: выражение негативного отношения к кому-либо (условно это можно обозначить как аффективный вектор речевой агрессии). Такая двойственность коммуникативно-прагматической целевой установки речевой агрессии как разновидности речевого поведения приводит к тому, что речевая агрессия не укладывается в бинарную психологическую модель «агрессор – жертва», которая широко используется в лингвистических исследованиях при анализе речевой агрессии. При этом «жертва» обычно обозначается как «объект речевой агрессии».

А. К. Михальская⁴⁵ предлагает различать виды речевой агрессии по ряду оснований:

- 1) наличие / отсутствие определенного объекта агрессии;
  - 2) представленность / непредставленность объекта агрессии в данной речевой ситуации;
  - 3) конкретность / абстрактность объекта агрессии.
- В данном случае объект речевой агрессии рассматривается как предмет речи (референт высказывания).

Естественно, возникает вопрос: если предмет речи считать объектом речевой агрессии, то как в данной ситуации квалифицировать статус адресата? К тому же если референтом агрессивного высказывания является конкретное лицо или группа лиц, то их можно считать косвенными адресатами данного высказывания. Не проясняет данную ситуацию и компромиссный вариант: «Речевая агрессия, как правило, сопровождается вторжением в личностное пространство адресата или лица – объекта речи, коммуникативной конфронтацией, имеющей социальные, психологические основания, и эпатажем»⁴⁶. Очевидно, что при несовпадении адресата и объекта негативного отношения ввести в коммуникативную структуру понятие «жертва» весьма проблематично уже потому, что все негативные эмоции обрушиваются на адресата,

---

⁴⁵ Михальская, А. К. *Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике* / А. К. Михальская. – М.: Издательский центр «Academia», 1996. – 192 с.

⁴⁶ Купина, Н. А. *Три ступени речевой агрессии* / Н. А. Купина, Л. В. Енина // *Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации*. – Екатеринбург: УрГУ, 1997. – С. 26–38.

хотя предметом речи является совершенно другой объект. В этом случае ответ на вопрос: кто в данном случае жертва и кого можно считать объектом речевой агрессии – оказывается весьма затруднительным.

С одной стороны, адресант намеренно стремится при помощи деструктивного речевого поведения либо навязать адресату собственную модель речевого общения (неприемлемую для адресата), или собственную негативную оценку референта высказывания, либо изменить в отрицательную сторону его представление о предмете речи. То есть по отношению к адресату речевая агрессия – это, по сути, вторжение в его речевое, аксиологическое или когнитивное пространство. При таком понимании адресат является объектом речевой агрессии по определению.

С другой стороны, адресат является одновременно объектом негативного отношения адресанта только в ситуации межличностной коммуникации. Если объект негативного отношения представлен в коммуникации, то это негативное отношение может быть выражено эксплицитно (например, инвектива). В этом случае адресат является референтом высказывания. Но поскольку в межличностном общении речевая агрессия проявляется как стремление к созданию коммуникативного неравноправия, то негативное отношение к адресату может быть выражено имплицитно, через нарушение коммуникативной этики, дискурсных конвенций, через некооперативные формы речевого поведения и т.д.

Но, как уже было отмечено, объект негативного отношения может быть не представлен в речевой ситуации (а иногда по своим объективным характеристикам и не может быть представлен). В том случае, если объект негативного отношения не представлен в коммуникативной ситуации, он обязательно является референтом высказывания, т.е. представлен в речи. При этом негативное отношение к нему выражается эксплицитно, а негативизирующее воздействие на адресата осуществляется и через содержание высказывания, и через деструктивные формы речевого поведения.

Следовательно, именно объект негативного отношения определяет механизмы и способы формирования речевой агрессии. Причем важную роль играет не только место объекта в процессе коммуникации (его представленность или непредставленность

в данной речевой ситуации), но и характер объекта по отношению к адресату.

Поскольку именно аффективный вектор определяет специфику проявления речевой агрессии, целесообразно термином «объект речевой агрессии» обозначать объект негативного отношения адресанта.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агрессия в языке и речи*: Сб. науч. ст. / под ред. И. А. Шаронова. – М.: РГГУ, 2004. – 288 с.
- Аристов, С. А. *Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс* / С. А. Аристов, И. П. Сусов // “Лингвистический вестник”. – Ижевск: Удмуртск. ун-т, 1999. – Вып. 1. – С. 3–15.
- Бахтин, М. М. *Эстетика словесного творчества* / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
- Бахтин, М. М. *Проблема речевых жанров* [Электронный ресурс]. / М. М. Бахтин // Собр. соч. в 7 т. – Электрон. дан. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5: Работы 1940–1960 гг. – С. 159–206. – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh.genre.htm>
- Борисова, И. Н. *Русский разговорный диалог* / И. Н. Борисова. – Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2001. – 408 с.
- Бэрн, Р. *Агрессия* / Р. Бэрн, Д. Ричардсон. – СПб: Питер, 2001. – 352 с.
- Винокур, Т. Г. *Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения* / Т. Г. Винокур. – М.: Наука, 1993. – 173 с.
- Гаспаров, Б. М. *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования* / Б. М. Гаспаров. – М.: “Новое литературное обозрение”, 1996. – 352 с.
- Грайс, Г. П. *Логика и речевое общение* / Г. П. Грайс // “Новое в зарубежной лингвистике”. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 217–237.
- Дейк, Т. А. ван. *Язык. Познание. Коммуникация* / Т. А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
- Демьянков, В. З. *Намерение в интерпретации и интерпретация намерений в речи* / В. З. Демьянков // Текст: Структура и анализ. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1989. – С. 41–46.
- Демьянков В. З. *Эффективность аргументации как речевого воздействия* / В. З. Демьянков // Проблемы эффективности речевой коммуникации. – М.: ИНИОН АН СССР, 1989. – С. 13–40.
- Желтухина, М. Р. *Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ* / М. Р. Желтухина. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.

- Иссерс, О. С. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи* / О. С. Иссерс. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.
- Киселева, Л. А. *Вопросы теории речевого воздействия* / Л. А. Киселева. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 160 с.
- Колосов, С. А. *Манипулятивные стратегии дискурса ненависти* / С. А. Колосов // Критика и семиотика. – Новосибирск: НГУ, 2004. – Вып. 7. – С. 248–256.
- Костомаров, В. Г. *Русский язык на газетной полосе* / В. Г. Костомаров. – М.: Изд-во Московск. ун-та, 1971. – 345 с.
- Кубрякова, Е. С. *Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа)* / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 144–238.
- Кубрякова, Е. С. *Части речи с когнитивной точки зрения* / Е. С. Кубрякова. М.: ИЯ РАН, Тамбов: Тамбов. гос. ун-т, 1997. – 330 с.
- Кубрякова Е. С. *Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира.* / Е. С. Кубрякова. – М.: “Языки славянской культуры”, 2004. – 560 с.
- Кубрякова, Е. С. *Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики* / Е. С. Кубрякова // “Вопросы когнитивной лингвистики”. – 2004. – № 1. – С. 6–17.
- Купина, Н. А. *Три ступени речевой агрессии* / Н. А. Купина, Л. В. Енина // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. – Екатеринбург: УрГУ, 1997. – С. 26–38.
- Łukatienko E., Stanisławska A., *Агрессия как явление речевой коммуникации*, “Linguodidactica”, red. R. Hajczuk, Wyd. UwB, Białystok 2007, T. XI, s. 109–123.
- Михальская, А. К. *Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике* / А. К. Михальская. – М.: Издательский центр «Academia», 1996. – 192 с.
- Михальская, А. К. *О речевом поведении политиков* / А. К. Михальская // “Независимая газета”. – 1999. – № 227 (2043). – 3 декабря.
- Муравьева, Н. В. *Язык конфликта* [Электронный ресурс] / Н. В. Муравьева. – Электрон. дан. – М.: Термика, 2004. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Миколаева, Т. М. *О принципе «некооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия* / Т. М. Николаева // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. – М.: Индрик, 2003. – С. 268–276.
- Панкратов, В. Н. *Манипуляции в общении и их нейтрализация: практическое руководство* / В. Н. Панкратов. – М.: Изд-во Ин-та Психотерапии, 2001. – 208 с.
- Плеханова, Т. Ф. *Текст как диалог* / Т. Ф. Плеханова. – Мн.: Изд-во МГЛУ, 2002. – 253 с.

- Плохинова, А. С. *Языковые манипуляции* / А. С. Плохинова, И. П. Лапинская // *Язык, коммуникация и социальная среда*. – Воронеж: ВГТУ, 2002. – Вып. 2. – С. 178–181.
- Поварнин, С. И. Спор. *О теории и практике спора* / С. И. Поварнин // *Логика и риторика: хрестоматия* / сост. В. Ф. Берков, Я. С. Яскевич. – Мн.: НТООО «ТетраСистемс», 1997. – С. 471–589.
- Поршнев, Б. Ф. *Социальная психология и история* / Б. Ф. Поршнев. – М.: Наука, 1979.
- Почепцов, Г. Г. *Теория коммуникации* / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001. – 656 с.
- Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации*. – Екатеринбург: УрГУ, 1997. – 117 с.
- Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации*. – М.: Наука, 1990. – 136 с.
- Седов, К. Ф. *Речевая агрессия в повседневной коммуникации* / К. Ф. Седов // *Речевая агрессия в современной культуре*. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2005. – С. 32–41.
- Серова, И. Г. *Современные проблемы филологии: Учебное пособие* / И. Г. Серова. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. – 162 с.
- Сусов, И. П. *Семантика и прагматика предложения* / И. П. Сусов. – Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1980. – 51 с.
- Сусов, И. П. *Деятельность, сознание, дискурс и языковая система* / И. П. Сусов // *Языковое общение: Процессы и единицы*. – Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1988. – С. 7–13.
- Сухих, С. А. *Механизмы манипулятивной коммуникации* / С. А. Сухих // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – Вып. 2: «Язык и социальная среда». – С. 17–20.
- Телия, В. Н. *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц* / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 142 с.
- Федорова, Л. Л. *Типология речевого воздействия и его место в структуре общения* / Л. Л. Федорова // *Вопр. языкозн.* – 1991. – № 6. – С. 46–50.
- Федорова, Л. Л. *Прямое выражение агрессии в речевом общении* / Л. Л. Федорова // *Агрессия в языке и речи*. – М.: РГГУ, 2004. – С. 219–232.
- Хекхаузен, Х. *Агрессия* / Х. Хекхаузен // *Мотивация и деятельность*. М.: Педагогика, 1986. – Т. 1. – С. 365–405.
- Цуладзе, А. *Политические манипуляции или Покорение толпы* / А. Цуладзе. – М.: Книжный дом «Университет», 1999. – 144 с.
- Шейгал, Е. И. *Вербальная агрессия в политическом дискурсе* / Е. И. Шейгал // *Вопросы стилистики. Антропоцентрические исследования*. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – Вып. 28. – С. 204–222.
- Щербинина, Ю. В. *Русский язык: речевая агрессия и пути ее преодоления* / Ю. В. Щербинина. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 224 с.

- Щербинина, Ю. В. *Вербальная агрессия* / Ю. В. Щербинина, – М: Едиториал УРСС, 2006. – 360 с.
- Якобсон, Р. *Лингвистика и поэтика* / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.
- Bandura, A. *Psychological Mechanism of Aggression* / A. Bandura // *Aggression: Theoretical and Empirical Reviews* / R. G. Geen (Eds.). – New York: Academic Press, 1983. – Vol. 1. – P. 1–40.
- Berkowitz, L. *The Concept of Aggressive Drive: Some Additional Considerations.* / L. Berkowitz // *Advances in Experimental Psychology.* – New York: Academic Press, 1965. – Vol. 2. – P. 301–329.
- Berkowitz, L. *The Frustration-Aggression Hypothesis Revisited.* / L. Berkowitz // *Roots of Aggression.* – New York: Atherton Press, 1969. – P. 1–28.
- Bohm, D. *Dialogue – a Proposal* [Электронный ресурс] / D. Bohm [et al.] – Электрон. дан. – The Informal Education Archives. – 1991. – Режим доступа: http://www.users/globalnet.co.uk/~infed/etexts/bohm_dialogue.htm.
- Bohm, D. *On Dialogue.* Edited by L. Nichol. / D. Bohm. – New York: Routledge, 1996. – 144 p.
- Cherry, C. *On Human Communication: A Review, a Survey and a Criticism.* Cambridge (Mass.) / C. Cherry. – London: MIT Press, 1970. – 337 p.
- Dollard, J. / *Frustration and Aggression* / J. Dollard [et al.]. – Greenwood: Greenwood Publishing Group, 1980. – 209 p.
- Grice, H. P. *Meaning* / H. P. Grice // Steinberg D., Jakobovits L. (eds.) *Semantics: an Interdisciplinary Reader.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1971. – P. 147–172.
- Infante, D. A. *Argumentativeness and Verbal Aggression: A Review of Recent Theory and Research* / D. A. Infante, A. S. Rancer // *Communication Yearbook.* – 1996. – № 19. – P. 319–351.
- Miller, N. E. *The Frustration-Aggression Hypothesis* / N. E. Miller // *Psychological Review.* – 1941. – № 48. – P. 337–342.
- Todorov, Tz. *La Conquête de l'Amérique. La question de l'autre* / Tz. Todorov. – Paris: Seuil, 1991. – 339 p.

AGRESJA JĘZYKOWA W PARADYGMACIE KOMUNIKATYWNO-DYSKURSYWNYM

Streszczenie

Artykuł prezentuje zjawisko agresji językowej w ujęciu pragmatolingwistycznym. Akty komunikacji, wyrażające agresję, zostały omówione w kontekście konkretnego dyskursu z uwzględnieniem następujących czynników:

- wzajemne relacje komunikatywne na linii „nadawca – odbiorca”,
- użycie określonych środków językowych w określonym akcie komunikacji lub dyskursu,
- pozycja wyjściowa nadawcy: cele, zamierzenia, emocje,
- skutki oddziaływania komunikatu itd.

Obecność agresji językowej stwierdzono we wszystkich typach komunikowania: interpersonalnym, masowym, instytucjonalnym.

LINGUISTIC AGGRESSION IN COMMUNICATIVE AND DISCURSIVE PARADIGM

Summary

The article presents the phenomenon of aggression in pragmalinguistic terms. Communicative discourses expressing aggression have been discussed in the context of a concrete discourse including the following factors:

- mutual communicative relations between “addresser – addressee”,
- the use of specific linguistic means in a specific communicative discourse,
- the addresser’s initial position: aims, objectives, emotions,
- the results of utterance’s impact, etc.

The presence of linguistic aggression has been found in all types of communication: interpersonal, mass and institutional.